

Подготовила Россинская Светлана Владимировна, заведующая библиотекой
«Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail:
rossinskiye@gmail.com

Ирина Одоевцева: Я всегда буду счастлива! Всегда и везде!

*Литературное расследования жизни и творчества писательницы
Серебряного века (1895-1990)*

Не первый год листаю я страницы прошлого, пишу о судьбах и любви великих писателей - соотечественников и зарубежных авторов и художников. И уже прозвучал читательский вопрос: отчего столько покореженных судеб и романов с изломом?

...Иван Тургенев, Федор Достоевский, Александр Герцен, Джон Голсуорси, Виктор Гюго, Курт Воннегут, Сандро Боттичелли, Микеланджело Караваджо...

Неужели тот же Серебряный век не был благосклонен ни к одной из своих легендарных дам? Вот уж кто умел находить общий язык с мистиками, так это жители Серебряного века...

Сегодня в ходе небольшого литературного расследования жизни и творчества **Ирины Одоевцевой** я попробую определить «слагаемые удачи» и найти те «кирпичики счастья», из которых складываются или не складываются хорошие биографии. Заодно проверить одно любопытное высказывание.

Творец чудесного мира - «Хроник Нарнии», удивительно рационально мысливший британский богослов **Клайв Льюис**, относился к чудесам в реальной жизни настороженно. Но о чувстве любви, не менее волшебном, чем его сказки, он писал так: *«Одно из чудес, творимых любовью: она дает очарованному ей человеку силы смотреть на мир, не разочаровываясь».*

Впрочем, Ирина Одоевцева всегда полагалась только на себя. Может быть, поэтому в жестокое время она сама сумела выстроить удачную судьбу, в том числе 37 лет счастливого брака?

Итак...

Для начала начну с энциклопедических сведений, которые многим читателям известны, хорошо показывают основные жизненные вехи и литературные достижения, но очень мало раскрывают суть характер человека.

Одоевцева Ирина Владимировна - псевдоним, настоящие имя и фамилия - **Гейнике Ираида Густавовна**; с 1921 года - Иванова, русская писательница. В разных источниках упоминаются разные даты рождения: 25.06.1895; 27.07.1895; 23.11.1895; 2.11.1895 и другие. Дата смерти – 15.10.1990.

Отец ее был присяжным поверенным, практиковал в Риге. В 1914 переехал в Петербург.

Стихи Ирина писала с детства. Первое выступление в печати состоялось в петроградской газете «Эхо» в 1918. Одоевцева называла себя ученицей Н. Гумилева. О встречах с Гумилевым со многими подробностями рассказывала в мемуарной книге *«На берегах Невы»*.

В сентябре 1921 вышла замуж за Г. Иванова. В 1922 году был издан в Петрограде ее первый сборник ее лирических стихов *«Двор чудес»*. В 1922 эмигрировала через Ригу в Берлин. С 1923 по 1987 годы жила во Франции.

Со стихами в довоенной печати выступала редко. В 1920-30-е Одоевцева обратила на себя внимание критики и читателей печатавшимися в «Звене», «Новом доме», «Числах», «Иллюстрированной России», «Сегодня» рассказами и в еще большей степени тремя романами: *«Ангел смерти»* (1927), *«Изольда»* (1931), *«Зеркало»* (1939).

Еще два романа Одоевцева написала после войны: *«Оставь надежду навсегда»* (1954) – о жизни в СССР в 30-х годах и *«Год жизни»*, печатавшийся на протяжении 1957 в журнале «Возрождение».

Две книги воспоминаний Одоевцевой *«На берегах Невы»* (1967) и *«На берегах Сены»* (1978-1981), каждая в свой черед, стали приметными событиями даже на фоне богатейшей эмигрантской мемуаристики. В конце жизни Одоевцева собиралась написать третий том «На берегах Леты».

Стихи, статьи, рецензии, очерки Одоевцевой в послевоенные годы стали появляться во всех важнейших периодических изданиях зарубежья. Сборники ее стихотворений, написанных в эмиграции, опубликованы в 1950-70-е годы: *«Контрапункт»* (1950), *«Стихи, написанные во время болезни»*, *«Десять лет»*, *«Одиночество»*, *«Златая цепь»* (1975), *«Портрет в рифмованной раме»*. В критике стали встречаться фразы: «Авторспособен «превращать в музыку и делать неповторимым самое обыденное» (В. Завалишин)

В апреле 1987 Одоевцева вернулась в Ленинград.

Вот, пожалуй, и все.

Поставить точку?

Но вопросов много. Например, почему «розовый туман», в котором Ирина Одоевцева предпочитала жить, казался ей единственно верным обрамлением жизни?

Что помогало ей, зная дурное о людях, тем не менее, никогда не скупиться ни на хорошие поступки, ни на добрые слова?

Приведу только факты.

Когда **Николай Гумилев** хотел свой *«Лес»* посвятить ей, *«женщине с кошачьей головой и зеленоватыми глазами»*, она упростила поэта посвящение сняв: его нынешней жене могло быть неприятно

Ей очень хотелось утешить **Анну Ахматову**, вдову расстрелянного Гумилева, и сказать ей, что он любил только ее, Анну, ее одну, до самой смерти. А ведь еще при жизни Гумилева Анна Ахматова, бывшая его жена, вслух так оценивала отношения поэта с Одоевцевой: *«Одоевцева? Ни на грош дара, а в любовницы взята лишь для того, чтобы уязвленный экс-муж не чувствовал себя проигравшим»*.

Когда в Петербурге все литературное окружение ополчилось на **Александра Блока**, одобрявшего революцию поэмой *«Двенадцать»*, только Ирина не скрывала своего мнения: *«Не понимаю, как можно его судить. Что он мог сделать, если так услышал?»*

Когда их близкий друг **Георгий Адамович** забрал у нее все выигранные ею в казино деньги, она не стала требовать своего, а сказала: *«Я не сержусь на Вас. Все мы так слабы»*.

Всеми покинутому и пережившему свою славу **Константину Бальмонту** она дала самое нужное лекарство: позвала в гости и целый вечер слушала его стихи, возвращая минувшее счастье.

Только ей удавалось в эмиграции развеять мрачное настроение **Ивана Бунина**, не опустить руки даже тогда, когда сгорел ее дом, а муж, поэт **Георгий Иванов**, совсем растерялся и сломался.

Что же позволило ей, всю жизнь стремившейся к *«превосходству над бытом»*, написать в своих мемуарах фразу: *«В доме престарелых жилось хорошо, и даже празднично?»*

Какие такие законы бытия знала эта светлая и мудрая женщина, прожившая 95 лет и сумевшая выразить свою долгую жизнь в необыкновенно трогательных строчках?

Хоть бесспорно жизнь прошла,

Песня до конца допета,
Я всё та же, что была,
И во сне, и наяву
С восхищением живу.

Давайте вместе с **читателями библиотеки «Фоллиант»** и активистами ее **Литературного клуба «Прикосновение»** попробуем в этом разобраться.

Вас можно ставить в угол вместо елки...

Послушайте строки из книги И. Одоевцевой *«На берегах Невы»*: *«От луны было совсем светло. Я села на подоконник. Мне казалось, что захлестывающее чувство радости сейчас унесет меня в открытое окно, и я распадусь на куски... От счастья... Я добежала до кровати, забралась в нее и натянула одеяло на голову, спасаясь от непомерного чувства счастья...»*.

Спрятаться, укрыться тогда хотелось многим. Но не от счастья: лето 1919 года к нему не располагало, все летело вверх тормашками. Но и опасные темные улицы, и куски мокрого хлеба, и ее тарелка пшенной каши, съеденная **Мандельштамом** в столовой Дома литераторов, - все это мелочи.

Главное, чего хотела Ирина Одоевцева, чтобы голодный поэт не увидел ее слез и не догадался, что она отчаянно голодна тоже. Ей, начинающей поэтессе, было тогда бесконечно интересно жить: что голод, холод и страх в сравнении с этим?

Она поступила в литературную студию. Уже сам **Николай Гумилев** представляет ее: *«Одоевцева, моя ученица»* - и даже позволяет быть его «пажом». Нередко он провожает домой изящную ученицу.

Несмотря на революцию, она никогда не выходила из дома без перчаток и шляпы. А летом и весной обязательно несла в руках цветы: покупала их за копейки у уличных мальчишек. И цветы, и всегдашний большой черный бант в волосах, и легкая походка в придачу к неплохим стихам, конечно, имели для эстета Гумилева значение, но не меньше привлекало ее умение заинтересованно слушать. Редкий, прямо скажем, дар и поныне.

И еще нравилось молодое бесстрашие ученицы - способность одной шагать ночью по беспокойному Петербургу; любовь к жизни, которая сильнее страхов. *«Вы так сияете, - говорил он ей, - что вас можно ставить в угол вместо елки»*.

Жизнь с любопытством, наслаждением и улыбкой

Да, времена не выбирают. Вопрос, как живут в них. Одоевцева жила с улыбкой, что заставляло отвечать ей тем же, даже людям, в те годы от улыбок отвыкшим. Гены ли, интуиция ли или ум подсказали ей, что для счастья надо чуть легче относиться к жизни и без зла видеть мир. Так легче тебе. И с тобой - тоже.

Ученица и учитель устраивались на медвежьей шкуре перед камином, пили морковный чай и говорили часами. Одоевцева была «ненасытно любознательна», хотела знать о поэзии все, Гумилев охотно отвечал на бесчисленные вопросы. Она преклонялась перед ним и писала лирические стихи.

Я помню только всего
Вечер дождливого дня,
Я провожала его,
Поцеловал он меня.

Дрожало пламя свечи,
Я плакала от любви.
- На лестнице не стучи,

Горничной не зови!

Прощай... Для тебя, о тебе,
До гроба, везде и всегда...
По водосточной трубе
Шумно бежала вода.

Ему я глядела вслед,
На низком сидя окне...
...Мне было пятнадцать лет,
И это приснилось мне...

Гумилев был увлечен ею целых два года, хотя долгими отношениями не славился. **Анна Ахматова**, бывшая его жена, вслух оценивала их отношения так: *«Одоевцева? Ни на грош дара», а в любовницы взята лишь для того, чтобы уязвленный экс-муж не чувствовал себя проигравшим».*

Не исключено...

В моем сюжете важна реакция самой Одоевцевой. Она не переоценивала своего места ни в поэзии, ни в сердце Николая Гумилева.

Нет, я не буду знаменита.
Меня не увенчает слава.
Я - как на сан архимандрита
На это не имею права.

Ни Гумилёв, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я - маленькая поэтесса
С огромным бантом.

1918

В тот единственный раз, когда ей довелось говорить с Ахматовой, уже после расстрела Гумилева, Ирина хотела сказать, что он любил ее, Анну, до самой смерти. Сказать не посмела: кто она, чтобы утешать Ахматову?

А насчет особого дара... его и не надо, если для этого жить так трудно, как великая Анна. Ее жизнь и поэзия, по мнению Одоевцевой, «мазохизм какой-то». Ирина страданий не любила и старалась не доставлять их никому.

Гумилев, например, хотел свой *«Лес»* посвятить ей, *«женщине с кошачьей головой и зеленоватыми глазами»*. Она упростила поэта посвящение снять: его нынешней жене будет неприятно. А касаясь литературного успеха, так *«маленькой поэтессе с огромным бантом»* хватало и своего.

По набережной ночью мы идём.
Как хорошо - идём, молчим вдвоём.
И видим Сену, дерево, собор
И облака... А этот разговор
На завтра мы отложим, на потом,
На после-завтра... На когда умрем.

Она была единственной женщиной в Цехе поэтов, и сам Блок записал ее фамилию отдельной строкой в дневнике. Но вообще-то открыл ее Георгий Иванов, чье одобрение

дорогого стоило. Знаменитый, насмешливый, элегантный, он обратил внимание не только на ее слог. Совсем скоро Одоевцева стала его невестой.

Времена не выбирают. Но как в них жить?

А жить в России становилось все невозможнее. В квартире брата, где в шести их бывших комнатах проживал ныне 21 человек, беременная соседка поинтересовалась, правда ли, что Ленин издал декрет, чтобы им, пролетаркам, вынашивать дитя шесть месяцев, а буржуйкам - двенадцать? Чтобы не разбивать иллюзий, Ирина ответила уклончиво, мол, лично она о таком указе не слышала...

Пожалев пролетарку, жалела и себя: они с мужем решились на эмиграцию. Накануне отъезда она увидела сон, где чей-то тонкий голос шептал: *«Бедная, она не знает, что ее ждет»*. Одоевцева вскочила, открыла глаза и повторила привычное: *«Я всегда буду счастлива. Всегда и везде»*.

Такой счастливой, как на берегах Невы, она действительно не будет. Но счастливой останется - теперь по-другому. В благополучном Берлине, где они оказались сначала, *«конечно, хуже, чем в Петербурге, но по-своему, по-берлински хорошо»*.

Везде хорошо, где она. А не напротив, по пословице *«Хорошо там, где нас нет»*. *«Меня всегда спасал мой характер, - пишет она. - Я по натуре счастливый человек. Обычно о счастье говорят или в прошлом, или в будущем времени. Я ощущаю полноту жизни всегда»*.

А для радости повод отыщется.

Уже в 1926-м Одоевцева стихи писать перестала: они никому не нужны в эмиграции. Это ли не трагедия для поэта? Тогда она становится прозаиком; на эмигрантскую прозу спрос есть. Ее первый рассказ *«Падучая звезда»* одобрил сам **Иван Бунин**.

Под колесом фортуны

Одоевцева и Иванов - замечательная пара. У них много общего, но больше разного. Он - пессимист, склонен к депрессии и одиночеству. Она - жизнелюбива, весела и жаждет общения. Ей всегда хватает терпения, чтобы на его коронное *«Слава Богу, прошел день, и ничего не случилось»* ответить свое: *«А что, собственно, должно было случиться?»*.

Это при том, что всю жизнь он никогда и нигде не работал, а писал, только когда хотелось. До журналистского хлеба не опускался, считая, что он поэту вреден. Сначала это было не катастрофично: отец Ирины имел доходный дом в Риге, дочь и зять жили на эти деньги. Но верно говорила Одоевцевой немолодая собеседница **Тэффи**: *«Колесо фортуны вертится. Кто знает, может, вы когда-нибудь окажетесь под ним»*.

Там они и оказались вскоре: дом сгорел, деньги кончились. Муж растерялся, опустил руки. Лежал на кровати, читая по детективу в день, чтобы расслабиться. Ирина знала: он - талант, потому весь семейный груз без раздражения взяла на свои плечи. Она берется за пьесы, пишет киносценарии по шестьдесят страниц в день, но безрезультатно. Супруги познали не просто бедность - нищету. Муж озлоблен, ненавидит большевиков, она ненависть и непримиримость считает большим злом.

Звезды отражаются и в грязной луже!

Еще в Петербурге, ополчившемся на **Блока**, одобрявшего революцию поэмой *«Двенадцать»*, Ирина не скрывала своего мнения: *«Не понимаю, как можно его судить. Что он мог сделать, если так услышал?»*. От мужа Ирина получила звание «соглашатель». Когда их близкий друг **Георгий Адамович** забрал у нее все выигранные ею в казино деньги (такой вот везунчик, и в карты ей везло), она не стала требовать своего: *«Я не сержусь на вас. Все мы так слабы»*.

Ах, Жоржик-Жоржик (Адамовича тоже зовут Георгием, как и ее мужа)...

Одоевцева простила ему и большее: о том, что эти два Жоржика были в Петербурге известной гомосексуальной парой, Ирина не могла не знать. Что не помешало ей до конца дружить с другом ее мужа.

Ей, 75-летней женщине, придет он потом из Ниццы букет роз с пожеланием и дальше жить «*в тумане розовом, как в 18 лет*». Этот «*розовый туман*», в котором она предпочитала быть, казался ей единственно верным обрамлением жизни. Темных тонов и так хватает, зачем надевать еще и черные очки? Но это не значит, что темных тонов в жизни Одоевцевой не было вовсе, а настроение у нее всегда было радужным.

Ночь глубока. Далеко до зари.
Тускло вдали горят фонари.
Я потеряла входные ключи,
Дверь не откроют: стучи, не стучи.

В дом незнакомый вхожу не звоня,
Сколько здесь комнат пустых, без огня,
Сколько цветов, сколько зеркал,
Словно аквариум светится зал.

Сквозь кружевную штору окна,
Скользкой медузой смотрит луна.
Это мне снится. Это во сне.
Я поклонилась скользкой луне,

Я заглянула во все зеркала,
Я утонула. Я умерла...
1950

***

Потомись ещё немножко
В этой скуке кружевной.
На высокой крыше кошка
Голосит в тиши ночной.

Тянется она к огромной,
Влажной, мартовской луне.
По кошачьи я бездомна,
По кошачьи тошно мне.
1950

Друзья сомневались: «*Вы говорите и пишете слишком доброжелательно о людях. Неужели вам не хотелось показать их в натуральном безобразии?*». Не хотелось.

Конечно, она знала и дурное о людях. Но дурное больше запоминается. Сколько ни напиши хорошего, будут вспоминать именно плохое. Да и в каждом человеке намешано разного, вопрос, что захотеть увидеть.

Эта женщина знала неизменные законы бытия: и добро, и зло - бумеранг. Никогда не скупилась на хорошие дела. И не жалела добрых слов. Вот покинутый всеми и изживший свою славу **Бальмонт** - она дает ему самое нужное лекарство: зовет в гости и просит читать стихи, на целый вечер возвращая ему минувшее счастье.

Или жена Бунина **Вера** нередко зовет Одоевцеву в гости, чтобы развеять мрачное настроение мужа. Она ставила перед нобелевским лауреатом пепельницу, он скручивал папиросу, успокаивался и начинал говорить. Эти «исповеди» ей были нужны не меньше, чем ему. Чего стоят одни только их разговоры о счастье. Он вспоминал слова Гете, который полагал, что был счастлив за всю жизнь минут десять, не более. Сам Иван Алексеевич, добавляя детство, набирал счастливых минут с полчаса.

Одоевцева спорить не решалась, но ее «арифметика» была более щедрой. Вот даже эти сиюминутные беседы с писателем о вечном - не счастье ли?

- В этом мире любила ли что-нибудь ты?..
- Ты должно быть смеёшься! Конечно, любила.
- Что? - Постой. Дай подумать! Духи, и цветы,
И ещё зеркала... Остальное забыла.

1950

В доме престарелых жилось хорошо, и даже празднично...

Когда денег не стало совсем, Одоевцева с мужем перебрались в дом престарелых. Ирина, стремившаяся к «превосходству над бытом», *«погрустила-погрустила и начала жить»*. Иванов сломался совсем. В августе 58-го его не стало.

Интуиция подсказала, что «вторая» жизнь кончилась и следует не рассыпаться в пепел, а начать еще одну, новую жизнь, пусть тебе уже седьмой десяток. Через неделю она переезжает в Ганьи, тоже в старческий дом. Французы называют его «прихожей смерти», но там русские, последние «свои».

Был даже, представьте, роман.

«В Ганьи жилось хорошо, и даже празднично», - читаем в ее мемуарах. Ее друг, критик **Юрий Терапиано**, буквально настоял: *«Пишите!»*. И она начала писать те самые *«На берегах Невы»* и *«На берегах Сены»*, которые вышли потом миллионным тиражом в России. В книгах подкупают искренность, доброжелательность и свет, который, кажется, льется со страниц.

Именно здесь, в Ганьи, началась новая глава ее жизни длиною более тридцати лет. Неисправимая оптимистка Одоевцева пишет в стихах: *«...Я с наслаждением живу»*, хотя фон становится все более неподобающим.

Ненароком,
Скоком-боком
По прямой
И по кривой
Время катится назад
В Петербург и в Летний сад.

Стало прошлое так близко,
Тут оно - подать рукой -
И проходят предо мной
Друг за другом, чередой,
«Я» помянутые ниже:
«Я - подросток», «Я - студистка»
С бантом, в шубке меховой,
«Я - невеста», «Я - жена»
(Это, впрочем, уж в Париже)
И печальна, и грустна,
До прозрачности бледна,

Молча в чёрное одета,
Вот проходит «Я - вдова
Знаменитого поэта»...

Только было ли всё это?
Или это лишь слова?
Лишь игра теней и света?

Хоть бесспорно жизнь прошла,
Песня до конца допета,
Я всё та же, что была,
И во сне, и наяву
С восхищением живу.

1961 - 1973

То же настроение ощущается и в прозе: *«Если бы меня спросили, кого из встреченных в моей жизни людей я считаю самыми замечательными, мне было бы трудно ответить: слишком много их было...»*

Ей было почти девяносто, когда, бросившись к телефону (на высоких каблуках!), она получила перелом бедра. Шесть операций результатов не дали.

Но и тогда в ее маленькой комнатке собиралось до восемнадцати человек, этакий «салон» в спичечном коробке. Вот как написал об этом периоде ее жизни литературовед **Н.Н. Кякшто:**

«Она сумела воссоздать в своём доме атмосферу литературного салона Серебряного или постсеребряного века: к ней в гости приходили молодые литераторы, артисты, начинающие поэты, просто интересующиеся искусством люди - она всем открывала своё сердце, всех радовала и вдохновляла.

И начисто забывался возраст хозяйки, её инвалидное кресло, без которого невозможно было обойтись, беспомощность, слабость и старость. Её окружили любовью и заботой те, кто помогал в быту, и те, кому посчастливилось встречаться с ней, слушать её воспоминания, просто разговаривать или молча посидеть рядом, ибо от Одоевцевой шли какие-то удивительные токи любви, доброты, вечности».

Нигде в мире деревья не шумят так волшебно, как в Летнем саду...

Не иначе как божьей платой за оптимизм и негаснувший интерес к жизни стало явление этой одинокой и заброшенной женщине... реального ангела. Как иначе можно назвать российскую журналистку **Анну Колоницкую**, приехавшую в Париж в надежде отыскать автора мемуаров, которыми в 80-х зачитывалась наша страна?

Ветер перемен унес девяностодвухлетнюю Одоевцеву обратно на Родину. *«Я еду, даже если умру в дороге»*, - ответила она на предложение вернуться в Петербург. - *«Нигде в мире деревья не шумят так волшебно, как в Летнем саду».*

Да, теперь она другая. Увидев себя в телевизионной передаче, весело опечалилась: *«Я давно не держу себя за красавицу, но что я такая противная старуха, даже представить не могла».* Но тут же продолжила: надо уметь отрекаться от прошлого. И добавила: *«Я всегда живу здесь и сейчас».*

Еще три года с прямой спиной и непотухшими глазами восседала она в инвалидной коляске, переезжая из Петербурга в Москву, и не отказывалась ни от одной из встреч, которые предлагало ей удивительное Отечество.

Писательница умерла 14 октября 1990 года, похоронена на Волковском православном кладбище.

Ирина Одоевцева оставила после себя книги и немного уроков о том, как стоит жить. Конечно, судьбу не выбирают. Но определенно помогают - провидению и себе. Жизнь любит тех, кто любит ее...

Литература:

Издания произведений:

1. Одоевцева И.В. Избранное. - М.: Согласие, 1998. - 960 с.
2. Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) Зеркало. Избранная проза. - М.: Русский путь, 2011. - 656 с.
3. Одоевцева И.В. На берегах Невы: Литературные мемуары. - М.: Худож лит., 1989. - 334 с. (Тираж 250 000 экз.)
4. Одоевцева И.В. На берегах Невы. - М.: Захаров, 2005. - 432 с. (Тираж 3000 экз.)
5. Одоевцева И.В. На берегах Сены. - М.: Худож. лит., 1989. - 333 с. (Тираж 500 000 экз.)
6. Одоевцева И.В. На берегах Сены. - М.: Захаров, 2005. - 448 с. (Тираж 3000 экз.)

О ней:

1. **Арсеньева З.** «Цари стиха собрались во Цех...»// Вечерний Петербург.- 2011.- 21 октября.
2. **Арьев А.** Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование/ Андрей Арьев. - СПб.: Звезда, 2009. - 514 с.
3. **Дени А.** Три жизни Ирины Одоевцевой/Александра Дени//Крестьянка. - 2011.- №11.- Стр. 74-77.
4. **Кудряшов К.** Король и маг порока. Соперниками Александра Блока были... женщины/ Константин Кудряшов// АиФ. - 2010.- 24 ноября.
5. **Рублевская Л.** Занавески цвета равнодушия: О любви к родной культуре/Лариса Рублевская//СБ. Беларусь сегодня. - 2008.- 16 июля.